

Его называют солнечным пианистом. И этот титул **Даниил КРАМЕР** ценит выше всего. Судьбе было угодно, чтобы перспективный "классический" музыкант ушел в джазмены. И не только собирал на своих концертах полные залы, но и открыл собственный стиль, где джаз и классика слились.

— **Даниил, как же становятся джазменами?**

— Странновато. Я с детства был "классиком", нормальным учеником музыкальной школы в Харькове. Конечно, интересовался всякой эстрадой, к которой относил и джазовую музыку. Раз купил пластинку, на которой было написано "Джаз-оркестр

щей звездой института, меня "вели" на конкурс имени Чайковского. И к Чижикю пришел уверенный, что умею играть джаз. Тогда как раз вышли ноты знаменитых "Миссурийских регтаймов" Скотта Джоплина, я выучил "Регтайм кленового листа" в каком-то бешеном темпе и с понтом показал его Чижикю, ожидая вопля похвал. А вместо этого схлопотал все, что мне причиталось. Все-таки Леонид Аркадьевич согласился давать мне консультации. Их было шесть. Но именно благодаря Чижикю я начался как джазовый пианист. И как гастролер: Леонид Аркадьевич свел меня с ныне покойным Георгием Захарьевичем Бахчиевым, который был джазовым функционером, а для меня стал как бы "джазовым папой". Благодаря ему я в восьмидесять четвертом году попал в Витебск

отказывались нести к роялю! Но, стиснув зубы, сыграл рапсодию Листа и свои опыты в джазе. После концерта ко мне подошел Николай Петров и сказал: "Слушайте, вы недурно играете. Давайте мы вам попробуем ставку побольше выбить". И начал за меня хлопотать. Для меня, пианиста, который тогда переживал не самые легкие времена, не то, что заступничество, а просто доброе слово со стороны музыканта, на пластинках которого я учился с детства, значило невероятно много. Поддержал меня и Бахчиев. А 1 сентября восьмидесяти пятого года в Училище имени Гнесиных, где я тогда преподавал и был концертмейстером, пришел работать Михаил Есаков. И сказал: "Кончай свою дурь, мы теперь коллеги, приходи, я тебе кое-что покажу". Он стал меня

канту становится мало джаза. Джаз молод: сто лет для искусства не срок, есть возможности для развития, считаю, лучшие достижения классики еще обогатят джаз. Возможно, что и классика изменится под его влиянием.

— **Какие качества необходимы джазовому музыканту?**

— Нужен талант. Нужны любовь и слух. И еще джаз, как всякое искусство, — способ существования, мышления. Поэтому, чтобы играть джаз, нужно в нем существовать. Посылая на концерте энергию в зал, я столько же забираю из него — и этот обмен все время идет по возрастающей. Моя первая задача — чтобы люди ушли после концерта отдохнувшими, поздоровевшими, если хотите. Я в жизни не экстра-сенс, но на сцене ощущаю себя им. Я отсылаю в зал энергию добра. И самый дорогой эпитет, которым меня наградили, — не талантливый или там виртуозный, а солнечный. Солнечный пианист.

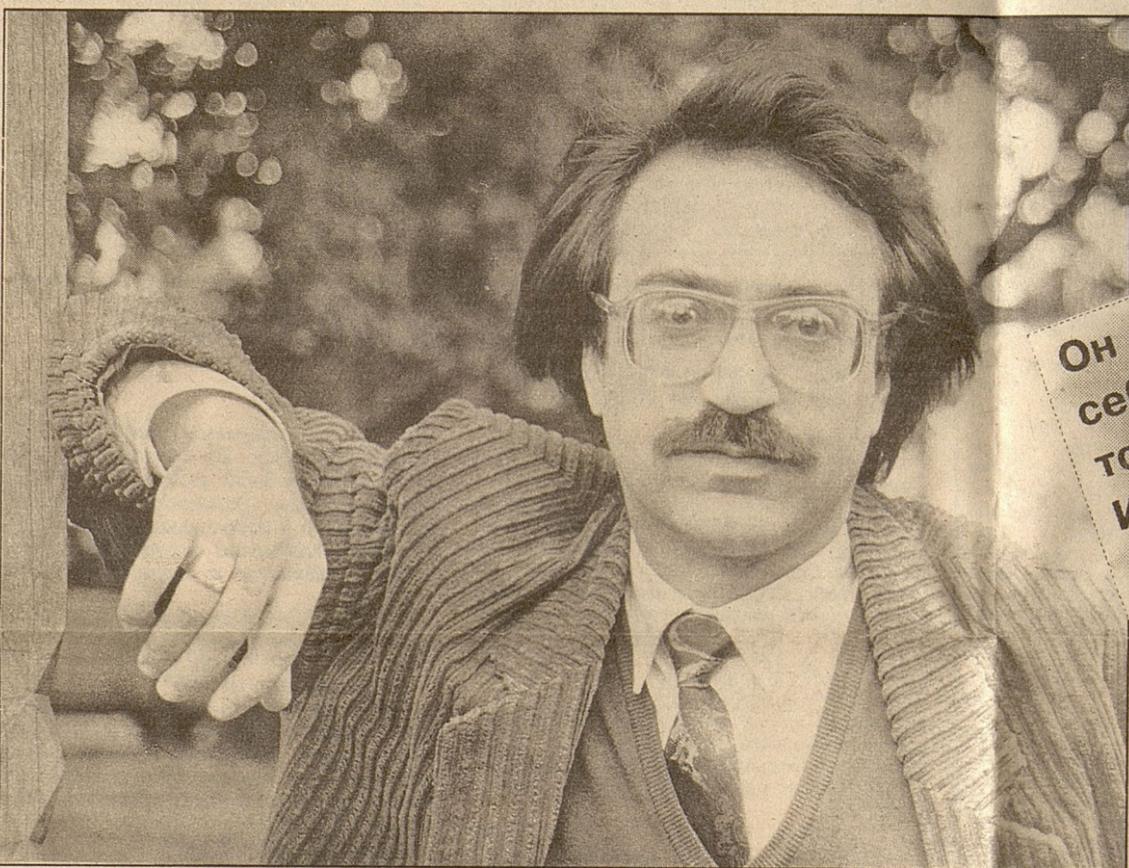
Да, джазовая музыка родилась как средство увеселения, ее играли в дансингах, под нее ели, пили, курили, танцевали. Но джига, например, что это такое? Матросский танец, под который в кабаках отплясывали. Однако Бах сделал джигу частью своих сюит и партит. И вальсы Штрауса — уличная музыка, такая же, как сегодня рэп. Или кто такой Гайдн? Классик? Ни фига! На сегодняшнем языке таких, как он, называют "ресторанный лабух", потому что он писал музыку для увеселения жрущего князя Эстергази и его гостей. Поймите, музыка создана как средство наслаждения. Просто со временем утилитарная жанровость переходит в другую ипостась — концертную. И я перестал себя считать джазменом. Я просто музыкант.

— **Поэтому в вашем исполнении Керн такой же гений, как и Моцарт?**

— Просто играю Керна и при этом думаю о Шопене. Какая разница, что за тему берешь? Я играю во всех

Куранты. — 1996. — Октябрь — с. 7

КРАМЕР



ПРОТИВ

Он считает себя хорошим товаром. И знает, как сделать, чтобы его купили.

— На концертах вы не только играете, но и разговариваете с залом. Получается, музыки для вас мало?

— Мне нужно, чтобы люди понимали, о чем я с ними разговариваю музыкой! У джаза маленькая история и еще не все понимают его язык. Положим, я выйду на сцену и начну читать стихи Верлена по-французски. Первые десять минут зал, возможно, будет наслаждаться красотой звучания, но на одиннадцатом

стилях — авангард вместе с Владимиром Чекасным, современную музыку, о которой музыканты говорят "собачатина", вместе со своими литовскими партнерами. Но стиль перестал быть для меня чем-то первым. Самое главное — рождается или не рождается музыка.

— **Немало наших музыкантов покинули Россию. У вас не было соблазна перебраться за рубеж?**

— Я сам для себя решил, что я — русский музыкант.

— **Следуете известному принципу: лучше умирать от отвращения здесь, чем от тоски там?**

— Да я не хочу умирать! Я люблю жизнь, можно сказать, вампир от жизни, стараюсь высосать из нее все, что только можно. Люблю каждый день, каждый глоток воздуха, вкусную еду, хорошее вино, красивую женщину. Все, что только дает жизнь.

— **И ни на что не жалуетесь?**

— Ну буду жаловаться и что? Начну перечислять проблемы, у вас пленки не хватит! Денег мало, куча обманов, ГАИ плохая, когда отключают горячую воду, вообще готов немедленно уехать из России, а уж русская бюрократия такая, что хуже нее на свете только латиноамериканская. Хамство, бандиты, пистолеты, чувство опасности! Сейчас при-

"Шарпс энд Флэтс" из Японии, послушал, а там "История любви", "Воздушная кукуруза" — в общем, популярные мелодии. А я же, как все советские дети, привык верить тому, что написано, вот и решил: джаз такой, ну, можно под него с девочкой потанцевать в полутемной комнате. Потом меня затащили в какой-то харьковский подвальчик, где играли джаз. Увидел расстроенное пианино, которое терзал какой-то самоучка, все остальное в том же духе. И ушел с убеждением, что джаз не люблю.

Позже уехал в Москву, поступил в "Гнесинку" к Евгению Яковлевичу Либману, одному из лучших учеников Генриха Густавовича Нейгауза. И на первом курсе появилась у меня девушка. Она интересовалась джазом и знала о нем намного больше меня. Это с ней я впервые попал на концерт Леонида Чижика — когда девушка говорит: "Я хочу!", чего не сделаешь? Я купил билеты и пригостил часа два послушать, а вышел с отвисшей челюстью. Я первый раз увидел разницу между интерпретатором и импровизатором, и, должен сказать, меня это сильно заело. А дальше будто Господь Бог решил: в гостях у моих друзей поставили кассету Билла Эванса и следом Оскара Питерсена. Тут я начал тихо качаться на стуле: елки-палки, вот это что такое — джаз!

Сам к Чижикю напроситься поостерегся — позвонил в Харькове, попросил разыскать Беллу Юрьевну Юхт, которая в Харькове была педагогом Леонида Чижика. Она позволила Чижикю в Москву: "Там к тебе мальчик хочет прийти, ты уж посмотри на него, Леня". И Леонид Аркадьевич согласился посмотреть. Поймите мое состояние! К тому времени я был лауреатом республиканского конкурса, считался одним из лучших пианистов курса, восходя-

на первый мой взрослый джазовый фестиваль. А до этого сходу выиграл первое место на Вильнюсском молодежном джазовом фестивале и решил: я уже умею играть.

— **Конечно, выходили на сцену с уверенностью в успехе?**

— И провалился с треском! Мне дали пятнадцать минут, исполнил свои композиции. И, как мне потом сказали, вся джазовая тусовка решила — этот мальчик никогда играть джаз не будет. Из меня же классик пер изюм всех дырок! А о джазе я ничего не знал, ничего не умел. И к тому же лет до двадцати пяти болел звездной болезнью. Все обстоятельства этому способствовали: куча неумеренных похвал, беспрерывные мелькания по телевизору, мои регтаймовые успехи. В общем все вело к тому, чтобы я стал бездарным регтаймистом. И только Чижик, Бахчиев и еще московский гитарист Михаил Есаков показали мне фигу прямо в рожу и сказали: "Ты — никто, тебе надо учиться играть". И отучили меня слушать похвалы — жестко и быстро, так, как теперь это делаю я со своими студентами. Когда те слышат от меня похвалу, у них шок, не могут понять — шучу я или всерьез.

— **А как пережили витебский провал, очень он вас ударил?**

— Было полтора года жуткой "ямы", почти не вылезал из дома. Понимаете, за мной установилась репутация джазмена, значит, в "классическом" миру я вроде уже не был своим. Но и джаз меня не принимал, я там был совершенно чужой человек. Правда, в конце восьмидесяти третьего года тарифицировался в Московской филармонии. Комиссия состояла из Николая Петрова, Владимира Крайнева, Веры Горностаевой. Плетнев сидел, еще кто-то: в советские времена они были обязаны там присутствовать. Меня ноги

КРАМЕРА

учить. И с этой даты я отсчитываю срок своего пребывания в джазе.

— **В тяжелые времена не было соблазна махнуть на все рукой или спиться, например?**

— Спиться — нет, я нельющий, в общем-то, человек. Но вот сознание собственной бездарности... Был в глубокой депрессии, слава Богу, ни жене, ни близким этого не показывал. У меня тогда родилась дочка, надо было зарабатывать деньги на семью. Поступил в Москонцерт, работал "чесами" на праздниках, лишь бы прокормиться. И играл регтаймы, слышал аплодисменты, бешеные похвалы, а уходил со сцены с сознанием, что я... не умею играть. И это на самом деле было так. Потом начал работать с Сашей Фишером. Он, кстати, мне "подарочек" однажды преподнес — поставил запись нашего первого выступления в Хабаровске на джаз-фестивале. Я поинел! До сих пор храню эту кассету, но никогда не слушаю.

— **Но сейчас-то вы уже признанный виртуоз, как же все же так получилось?**

— Работаю, вот и все. Есть своя фонотека, но не очень большая, в основном обмениваюсь кассетами. Хотя удовольствие от кассет и дисков года два назад почему-то перестал получать. Интенсивно хожу на "живые" концерты и еще очень много в театры. Полюбил театры Сергея Арцыбашева, Марика Розовского, Виталия Ланского, стал у них частым гостем на премьерах. И знаете, я с тех пор играю по-другому. Просто в какой-то момент джазовому музы-

катой кому-то все же захочется понять, что я говорю...

— **Похоже, вы прирожденный педагог?**

— Да. Я все жизнь преподаю. Сейчас — в Московской консерватории, а до этого были Училище Гнесиных, Школа имени Стасова, где я начинал джазовое отделение вместе с Тамарой Айзикович, педпрактика в Институте имени Гнесиных. Педагогика — часть моей жизни. И хотя денег она не дает, мне интересно. Пока объясняю что-то ученикам, столько сам понимаю! Бывает, они на урок приносят такие идеи! Думаешь: "Елки-палки, какая хорошая штука, надо мне самому ее попробовать". Это не значит, что погирожу студентов, как паук мух, я и сам даю им множество идей. Но, признаюсь, "питаюсь" от учеников так же, как и от публики на своих концертах.

— **Программа ваших концертов ошарашивает: диапазон от Гершвина и Моцарта до "Танго ночью пустыря". Это что, всеядность?**

— С не очень давних пор у меня возник странный вопрос: чем Равель отличается от Палестрины? Или от Баха? Все разное, ничего общего, разве что и там, и тут клавиши нажимаются. А какая разница между Пьером Булезом и Палестриной, Онеггером и Генделем? Бетховеном? Между ними все разница! Как и в случае сравнения Херби Хэнкока с Бетховеном. Но, если разница между Равелем и Генделем такая же гигантская, как между Херби Хэнкоком и Палестриной, почему не считать джаз классическим искусством?

ехал с отдыха из Финляндии и знаете, чем больше всего наслаждался? Незагаженной природой и безопасностью. Потому что в Москве всех бою — и бандитов, и милиционеров. Но я не жалуюсь. Просто радуюсь жизни.

— **Профессия сейчас кормит?**

— Да. И в этом смысле я очень счастливый человек в отличие от многих европейских и русских музыкантов. Я один из тех, кто живет "на джаз". А таких немного. У меня нет менеджера. Сам решаю задачи, как сделать себя нужным. Я товар. Хороший товар. Но надо сделать, чтобы меня купили. В моем случае это удается. Но сколько у нас неостребованных гениальных музыкантов, которые умеют то, что мне и во сне не приснится! Россия — такая талантливая страна!

— **Вне музыки чем любите заниматься?**

— Чем угодно. Дачей. Компьютером. Дочкой. Или ничем не занимаюсь. На даче жена меня усаживает в шезлонг, дает в одну руку книжку, в другую яблоко и говорит: "Сиди!" И я сижу.

— **На вас это непохоже!**

— Похоже. На меня нападают иногда такие приступы лени, хотя очень люблю работу. Бывают периоды, когда, стиснув зубы до христу, заставляю себя сесть за инструмент. Но сажусь.

— **Чего не хватает в жизни?**

— Того, чего не хватает, я добиваюсь.

Беседу вела Татьяна ИСКАНЦЕВА.
Фото Андрея СТРУНИНА.